

Юсси Лассила

Осмысливая политический стиль «Наших»: Бронзовый солдат и антиоранжевое сообщество¹

Аннотация: Российское молодежное движение «Наши», созданное в начале 2005 года, стало одним из наиболее известных политических проектов Кремля, отражающих его политику после украинской Оранжевой революции 2004 года. Очевидным и относительно хорошо изученным является тот факт, что политический дискурс «Наших» основан на кремлевской идее государственного патриотизма и понятии «суверенной демократии». В меньшей степени обсуждается другой аспект дискурса движения «Наши» – его стиль, т.е. то, каким образом группа выражает себя посредством своей идеологической позиции. Автор данной статьи считает, что данный аспект оказывается основным для понимания противоречий в восприятии образа данного молодежного движения в России после Оранжевой революции. В статье рассматривается формирование политического дискурса движения «Наши» в контексте стремления данного движения создать в России эффективное «анти-оранжевое» сообщество. Политический дискурс движения «Наши» анализируется на примере опубликованных в интернете текстов движения, посвященных одной из их наиболее активных тем – кампании, связанной с историей вокруг переноса памятника «Бронзового солдата» в центре Таллина в 2007—2008 гг. (кейс-стади). Также анализируются социологические данные, относящиеся к участию российской молодежи в политике, а также точки зрения двух лидеров движения «Наши». На основе теоретических концепций Пьера Бурдьё и культурной прагматики в данной статье показывается, что дискурс движения «Наши» является примером сложного и в конечном итоге неубедительного балансирования между дидактикой и стимуляцией, которое направлено на сведение этих двух измерений в убедительное целое: «российское анти-оранжевое сообщество».

¹ Статья была изначально опубликована на английском языке в журнале *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* (2011. Vol. 19. № 3) и в сборнике *Russian Nationalism, Foreign Policy, and Identity Debates in Putin's Russia: New Ideological Patterns after the Orange Revolution* (Ed. Marlène Laruelle. Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Vol. 108. Stuttgart, Hannover, 2012).

Вступление

Оранжевая революция на Украине в 2004 г. оказалась, по-видимому, наиболее значительной из всех цветных революций в плане влияния на политическую мобилизацию в России². Это влияние выразилось в «контрреволюции», проявившейся в демонстрации авторитарности режима и антидемократических практиках, особенно во время второго президентского срока Владимира Путина. Молодежное движение «Наши», созданное в начале 2005 г., стало одной из наиболее известных реализаций подобных практик. Прокремлевская позиция движения полностью соответствует точке зрения Дэвида Лэйна³, утверждающего, что посткоммунистические, а также поставторитарные режимы стремятся создавать собственные молодежные и студенческие организации для реализации своих политических проектов⁴. На Украине прооранжевые молодежные движения оказались в центре создания и поддержания сообществ, чьи действия привели к смещению старого режима⁵. Роль «Наших» отличается от роли молодежных движений на Украине, что ставит перед нами задачу изучить символические практики, посредством которых «Наши» конструируют на первый взгляд убедительную «антиоранжевую» модель. Однако если рассматривать движение «Наши» в континууме прокремлевских молодежных организаций, то их проекты – и, более того, вся организация – окажутся относительно эфемерными и крайне неэффективными в плане создания собственного позитивного образа. Основной целью данной статьи является, таким образом, изучение того, как формируется политический дискурс «Наших» в свете стремления этого движения создать эффективное «антиоранжевое» сообщество.

В методологическом плане проблематика статьи связана с дискурсом «Наших», его идеологическим содержанием⁶, проявляющемся в формах, или стиле, и его опорой на кремлевский государственный патриотизм и продвижение «суве-

² Laruelle, M. Negotiating History: Memory Wars in the Near Abroad and Pro-Kremlin Youth Movements // *Demokratizatsiya*. 2011. Vol. 19. № 3. См. также: Russian Nationalism and the National Reassertion of Russia / Ed. Marlene Laruelle. L., 2009; Умланд, А. Понимание Оранжевой революции: демократизация Украины в зеркале России // *Полит.ру*. 2009. 30 декабря. <http://www.polit.ru/institutes/2009/12/30/orange.html>; Он же. «Оранжевая революция», русское антизападничество и эволюция российского политического режима последних лет // *Полит.ру*. 2010. 14 января. <http://www.polit.ru/institutes/2010/01/14/umland.html>; Horvath, R. Putin's «Preventive Counter-Revolution»: Post-Soviet Authoritarianism and the Spectre of Velvet Revolution // *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63. № 1. С. 1-25.

³ Lane, D. «Coloured Revolution» as a Political Phenomenon // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2009. Vol. 25. № 2. С. 113-135, 132.

⁴ См. также: Horvath. Putin's «Preventive Counter-Revolution».

⁵ Wilson, A. *Ukraine's Orange Revolution*. New Haven, 2005; Zherebkin, M. In Search of a Theoretical Approach to the Analysis of the «Colour Revolutions»: Transition Studies and Discourse Theory // *Communist and Post-Communist Studies*. 2009. Vol. 42. С. 199-216.

⁶ Более подробно о традиции так называемого критического дискурс-анализа см., например, Fairclough, N. *Discourse and Social Change*. Cambridge, 1992; Chouliaraki, L., Fairclough, N. *Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis*. Edinburgh, 1999.

ренной демократии». В меньшей степени рассматривается вопрос «как» в идеологии «Наших», т.е. как «Наши» выражают себя посредством своей идеологической позиции. В данной статье утверждается, что именно с этой точки зрения становятся наиболее понятными противоречия в восприятии образа движения в России после Оранжевой революции. Более того, подобный подход может способствовать лучшему пониманию политической коммуникации прокремлевских молодежных движений в целом. Политический дискурс движения «Наши» анализируется на примере опубликованных в интернете текстов движения, посвященных одной из их наиболее активных тем – кампании, связанной с историей вокруг переноса памятника «Бронзового солдата» в центре Таллина в 2007–2008 гг. (кейс-стади). С точки зрения современных общественных движений, онлайн тексты могут рассматриваться как кристаллизация официального голоса⁷. Однако прежде чем говорить непосредственно о событиях, развернувшихся вокруг «Бронзового солдата», необходимо рассмотреть позицию «Наших» в свете предыдущих исследований, социологических данных и взглядов двух лидеров движения. В первую очередь, будут представлены ключевые понятия и теоретические рамки дискурс-аналитического подхода.

Ключевые понятия и теоретические рамки

Помимо того широкого внимания, которое оказывают «Нашим» российские и зарубежные СМИ, движение также вызвало значительный интерес со стороны ученых. Укажем лишь некоторые из предыдущих исследований движения «Наши». Джулия Хеммент⁸ изучала проекты группы как реализацию практик гражданского общества в постсоветской России. Грэм Б. Робертсон⁹ рассматривает движение «Наши» в контексте режима Путина как эрзац-общественное движение, созданное для регулирования практик гражданского общества в России. В сходном ключе о «Наших» пишет Роберт Хорват¹⁰, рассматривающий это движение как центральную часть «превентивных антиоранжевых» мер Путина. Дуг Бухачек¹¹

⁷ Здесь я использую подход к изучению политической коммуникации, предложенный Брайаном МакНейра, который определяет ее как совокупность элементов коммуникации, которые могут быть использованы для формирования политического имиджа или идентичности. См. McNair, B. *An Introduction to Political Communication*. New York, 1995.

⁸ Hemment, J. *Youth voluntarism and the restructuring of social assistance in Russia*. Доклад, прочитанный на семинаре Института Кеннана - Международный научный центр имени Вудро Вильсона, Вашингтон, май 2007 (используется с разрешения автора); Hemment, J. *Soviet-Style Neoliberalism? Nashi, Youth Voluntarism, and the Restructuring Social Welfare in Russia // Problems of Post-Communism*. 2009. Vol. 56. № 6. С. 36-50.

⁹ Robertson, G. *Managing Society: Protest, Civil Society, and Regime in Putin's Russia // Slavic Review*. 2009. Vol. 68. № 3. С. 528-547.

¹⁰ Horvath. *Putin's «Preventive Counter-Revolution»*.

¹¹ Buchacek, D. *Nasha Pravda, Nashe Delo: The Mobilization of the Nashi Generation in Contemporary Russia*. M.A. thesis. University of North Carolina. Chapel Hill, 2006.

анализирует первые годы деятельности движения с точки зрения поколенческой мобилизации. Марлен Ларуэль¹², исследующая молодежный патриотизм и политику памяти в свете политики патриотизма, уделяет особое внимание движению «Наши» и «Молодой гвардии», молодежному крылу правящей партии «Единая Россия», т.е. «партии Путина». Валери Сперлинг¹³ рассматривает роль «Наших» как важную часть политики Кремля в вопросах патриотизма. Майя Этвел¹⁴ подходит к рассмотрению деятельности группы, сравнивая взгляды ее активистов и официальную роль «Наших», а также обсуждает условия ее воспроизводства. Дмитрий Андреев¹⁵ рассматривает «Наших» и их предшественника, движение «Идущие вместе», сквозь призму их непростых отношений с официальной кремлевской политикой. Наконец, Ульрих Шмид¹⁶ рассматривает коммуникативные стратегии «Наших», оценивая их как продолжение советских традиций и концептуального искусства советского периода.

Многие из этих исследований, внесших немалый вклад в изучение движения «Наши», рассматривают это движение как реализацию (часто кажущуюся на первый взгляд пассивной) политических проектов элиты, т.е. в данном случае Кремля. Точки зрения Андреева и Этвел представляют особый интерес для данного исследования, так как в нем рассматривается, каким образом «Наши» балансируют в коммуникативном пространстве между репутацией очередного кремлевского «штампа» и эффективной мобилизацией в значительной степени аполитичной молодежной культуры. В этом ключе дискурс «Наших» рассматривается в данной статье как балансирование между дидактикой и стимуляцией, направленное на сведение этих двух измерений в убедительное целое. Дидактическое предназначение группы можно, таким образом, определить как официальное и конформистское, особенно в образовательной части ее деятельности. Это касается, в частности, дискурсивного создания «Нашими» государственного патриотизма¹⁷. Следовательно, равнодушие молодежной культуры к существующим политическим структурам в России – включая, разумеется, и «Наших» – признается, по крайней мере, частично, движением, и эта плохая репутация оказывается коммуникативно связанной с дидактическим измерением. Отсюда возникает потребность в дискурсе стимуляции, который основан на представлениях «Наших» о российской молодежи как об автономной и, более того, аполитичной группе. В случае движения «Наши» необходимо отметить, что дидактическое и стимуляционное направления их деятельности не конфликтуют между собой в содержа-

¹² Laruelle, M. Youth, Patriotism and Memory in Russia.

¹³ Sperling, V. Making the Public Patriotic: Militarism and Anti-Militarism in Russia // Russian Nationalism and National Reassertion of Russia / Ed. M. Laruelle. New York, 2009. С. 218-271.

¹⁴ Atwal, M. Evaluating *Nashi's* Sustainability: Autonomy, Agency and Activism // Europe-Asia Studies. 2009. Vol. 61. № 5. С. 743-758.

¹⁵ Андреев, Д. Феномен молодежной «управляемой пассионарности» и возможные сценарии его перспектив. Молодежь и политика. М., 2006. С. 49-61.

¹⁶ Schmid, U. Nashi – Die Putin-Jugend: Sowjettradition und politische Konzeptkunst // Osteuropa. 2006. № 5. С. 5-18.

¹⁷ См., например, Sperling. Making the Public Patriotic.

тельном отношении, так как дидактика связана с патриотическими аспектами, а побуждение – с «непатриотическими». Напротив, напряженность между ними проявляется в представлениях «Наших» о том, какое поведение производит «правильный» патриотизм.

Без теоретического обоснования сложно провести четкое разделение между дидактикой и стимуляцией, так как оба понятия, безусловно, субъективны. Дидактическое указание может действовать как стимулирующее и, наоборот, «стимулирующее» означающее может ощущаться как часть дидактического политического или культурного порядка. Для того, чтобы теоретически обосновать данное противопоставление, данная статья опирается на взгляды Пьера Бурдьё¹⁸ на культурное воспроизводство и использование языка. Согласно Бурдьё, все узнаваемые артефакты социальной реальности (например, язык политических актов) имеют особое отношение к аспекту иерархической культурной продукции. Рассуждая о художественных контекстах, Бурдьё пишет: «Как бы ни были свободны от внешних ограничений и требований люди, обладающие различными видами капитала, они не в силах вырваться из потребности, навязанной им теми полями¹⁹, в которых они живут: потребности в доходе, будь то доход экономический или политический. Как следствие, в любой данный момент они находятся на поле борьбы между двумя принципами иерархизации: гетерономным принципом, благоприятствующим тем, кто доминирует на поле экономически или политически (например, "буржуазное искусство"), и автономным принципом ("искусство ради искусства")»²⁰. Эти два типа иерархии могут также быть описаны как внешняя и внутренняя иерархия, что проясняет принципы, в соответствии с которыми одно поле действует против другого поля (внешняя иерархия) или против самого себя (внутренняя иерархия)²¹. Внутренняя иерархия относится к полю ограниченного культурного производства, а внешняя – к полю крупномасштабного культурного производства²².

Если мы применим данный подход к политическому дискурсу «Наших», то мы должны говорить об активной роли «Наших» в данной политической ситуации, которая оказывается зажатой между официальной государственной политикой и стремлением движения «стимулирующе» представлять молодежи политическую

¹⁸ Bourdieu, P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge, 1991; *The Field of Cultural Production*. Cambridge, 1993; *The Rules of Art*. Stanford, 1996.

¹⁹ Если абсолютно сжато передать суть теории Бурдьё, то ее можно назвать продолжающейся теоретизацией социального поля. Наиболее общим принципом социальной дифференциации является разделение и взаимоотношения между экономическим и культурным полями (более подробно см. Bourdieu, P. *Distinction: The Social Critique of the Judgement of Taste*. Boston, 1984).

²⁰ Bourdieu. *The Rules of Art*. С. 216.

²¹ Там же. С. 216-217.

²² Bourdieu. *The Field of Cultural Production; Language and Symbolic Power*; О применении теории Бурдьё о полях культурного производства к пост-советской России, см., например, Yurchak, A. *Privatize Your Name: Symbolic Work in a Post-Soviet Linguistic Market* // *Journal of Sociolinguistics*. 2000. Vol. 4. № 3. С. 406-434; Oushakine, S. *The Quantity of Style: Imaginary Consumption in the New Russia* // *Theory, Culture & Society*. 2000. Vol. 17. № 5. С. 97-120.

«дидактику». В этом отношении, в соответствии с теоретическими рамками Бурдьё, дидактика и стимуляция больше не являются размытыми категориями, зависящими исключительно от субъективных суждений. Напротив, они оказываются ориентированными на разные области социально-политической реальности «Наших», которые противопоставлены друг другу. Политическая позиция «Наших» вынуждает движение стремиться к относительно убедительному балансу между этими несовместимыми полями (политического) культурного производства. Таким образом, крупномасштабное культурное производство можно определить как официально поддерживаемое культурное производство данной группы. Молодежная культура является лишь частью этого, хотя и важной. Этот принцип тесно связан с пониманием молодежи в официальной политике, включая наследие советского периода, с его патерналистскими и поучающими тенденциями²³. Следовательно, ограниченное культурное производство – это культурное производство «Наших», направленное на выделение понятия молодежи как отдельного от молодежных практик, определяемых взрослыми.

В очень общих терминах, противоречия между дидактикой и стимуляцией в случае «Наших» могут быть поняты как противоречия между типами культурного производства в сфере политики, осуществляемого взрослыми и молодежью. Более конкретно, эти противоречия представляют собой трения между теми, кто обладает силой и властью в терминах символического капитала, необходимых для создания конкретных политических проектов (как президент России), и теми, у кого недостаточно власти для реализации этих проектов. Иными словами, «Наши» являются, с одной стороны, представителями крупномасштабного культурного производства (государственной политики); с другой стороны, эта задача представления должна исполняться в ситуации, требующей символического капитала, соответствующего правилам ограниченного культурного производства (молодежи). Следуя Бурдьё²⁴, мы можем предположить, что культурное производство, которое опирается в слишком большой степени на крупномасштабное или ограниченное производство, представляется неудачным, в то время как основная задача «Наших» – объединить требования, выдвигаемые этими двумя полями. Задача государства – это задача молодежи, и наоборот. Основная задача «Наших» – уменьшить противоречия между ними.

Концепция Бурдьё эффективно совмещается с культурой прагматики, стремящейся преодолеть поляризацию между структурно-ориентированными и деятельностно-ориентированными подходами²⁵. Особый случай представляет собой

²³ См., например, Стратегия государственной молодежной политики с комментариями / Под ред. Б. Гусева, А. Лопухина. М., 2007. <http://www.mon.gov.ru/press/news/3318.print/>; Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 гг.». 2005. http://www.ed.gov.ru/young_people/gragd_patr_vospit/gosprog_patriot/

²⁴ Bourdieu. The Field of Cultural Production.

²⁵ Alexander, J. Cultural Pragmatics: Social Performance between Ritual and Strategy // Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual / Ed. J. Alexander, B. Giesen, J. Mast. Cambridge, 2006. С. 29-30.

модификация понятия «ритуал». Джеффри Александер подчеркивает, что, рассматривая социальные действия, как индивидуальные, так и коллективные, можно провести систематичную аналогию между театральными представлениями: «Ритуалы – это эпизоды повторяющейся и упрощенной культурной коммуникации, в которой непосредственные участники социального взаимодействия и наблюдатели разделяют общую веру в описательную и предписывающую значимость символического содержания коммуникации и признают подлинность намерений друг друга. Благодаря этому общему пониманию намерений и содержания, и изначально присущей значимости взаимодействия, ритуалы оказываются эффективными и аффективными»²⁶.

Если применить концепцию Александера по отношению к современным обществам или к тем обществам, которые можно назвать национальными государствами, его определение будет в действительности характеризовать «ритуализированные действия». Различие между ритуалами и «ритуализированными действиями» (последнее представляет собой то же самое, что и социальное действие) обнаруживается в том факте, что в досовременных обществах коммуникативные компоненты различных культур были сугубо ритуализированными²⁷, они были сплавлены между собой и институционально неразличимы друг от друга²⁸. Другими словами, компоненты социального действия²⁹ были смешаны в единое целое³⁰. Однако с течением времени когда-то объединенные в единое целое компоненты ритуальной коммуникации начали отделяться друг от друга («расплавляться»). Одновременно с появлением более сложных обществ и формированием их культур, компоненты социального действия начали институализироваться в отдельных формациях: акторы, публика, репрезентации и т.д.³¹ В случае «Наших» эта институализация (отделение) в постсоветском пространстве может рассматриваться в терминах разделения между воображаемой, политически сконструированной молодежью и автономной «реальной» молодежью. Таким образом, наиболее важной задачей для современных или светских ритуалов является обратное «сплавление» этих институализированных, отдельных компонентов действия в одно связанное значимое целое. Согласно Александеру, «цель нерелигиозных действий, на сцене и в обществе, остается той же, что и цель священных ритуалов. Они опираются на возможность произвести психологическую идентификацию и распространить культуру. Цель – создать посредством умелого и вызывающего сопереживание представления эмоциональную связь публики с актером

²⁶ Alexander. Cultural Pragmatics. С. 29.

²⁷ Вслед за Виктором Тернером, Александер использует рождение древнегреческой драмы как изначальную разделительную линию между ритуалом и имитирующей ритуал стратегией. См. Turner, V. Dramas, Fields, and Metaphors: Symbolic Action in Human Society. Ithaca, 1974.

²⁸ Alexander. Cultural Pragmatics. С. 38-40.

²⁹ Александер вводит следующую классификацию этих компонентов: актеры, публика, представление, значения символического производства, общественная власть и мизансцена. Alexander. Cultural Pragmatics. С. 38-40.

³⁰ Там же. С. 38-40.

³¹ Там же. С. 42-51.

и текстом и, тем самым, сформировать условия для проецирования культурного значения от действия к публике. В той степени, в которой эти два условия были выполнены, мы можем говорить о том, что элементы действия были "сплавлены"³².

Контекст данной цитаты позволяет концептуализировать украинскую оранжевую революцию. В дополнение к центральной роли молодежи на Майдане в Киеве – центральном локусе Оранжевой революции – это событие смогло «сплавить» отдельные компоненты этого социального действия в единое «оранжевое» сообщество. Это можно увидеть в описании событий в Киеве в конце 2004 года, данное Эндрю Уилсоном: «Настроение на Майдане показывало не только личную поддержку Ющенко или Тимошенко. Это был выраженный гнев людей, ищущих свой голос (...) студенты хотели изменений политической культуры, бедные хотели изменений политической культуры, представители малого и среднего бизнеса хотели изменений политической культуры»³³. В терминах ритуализированной стратегии, лагерь Ющенко бы способен произвести «вызывающее сопереживание представление, эмоциональную связь публики с актером и текстом и, тем самым, создать условия для проецирования культурного значения от действия к публике». Как мы покажем далее в данной статье, политический дискурс «Наших» включает в себя похожие цели; основное отличие от ситуации на Украине заключается в том, что данная цель исходит из позиции, направленной на поддержание режима.

«Наши» и поле молодежных движений после оранжевой революции

В конце 2004 г., в разгар Оранжевой революции, появились первые слухи о создании молодёжного движения, поддерживаемого Кремлем³⁴. Эти слухи вскоре получили подтверждение. В феврале 2005 г. было официально создано Антифашистское демократическое молодежное движение «Наши»³⁵. Его роль как преемника группы «Идущие вместе» стала очевидной после того, как Василий Якименко, лидер группы «Идущие вместе», заявил о том, что он возглавит новое движение. С точки зрения политической позиции, движение «Наши» можно отнести к категории, которую Татьяна Становая называет «лояльные Кремлю»³⁶.

³² Там же. С. 54-55.

³³ Wilson, A. Ukraine's Orange Revolution; Цит. по: Zherebkin. In Search of a Theoretical Approach. С. 199, 202.

³⁴ Шевчук, М., Камышев, Д. Обыкновенный «Нашизм» // Коммерсант. 21 февраля 2005.

³⁵ Савельев, В. Горячая молодежь России. М., 2006. С. 86; Савина, Е., Таратута, Ю., Шевчук, М. Краткий курс истории движения «Наши» // Коммерсант. 29 января 2008.

³⁶ Становая, Т. Молодежные организации в современной России // Политком.ru. 2005. 5 декабря. <http://www.politcom.ru/320.html>.

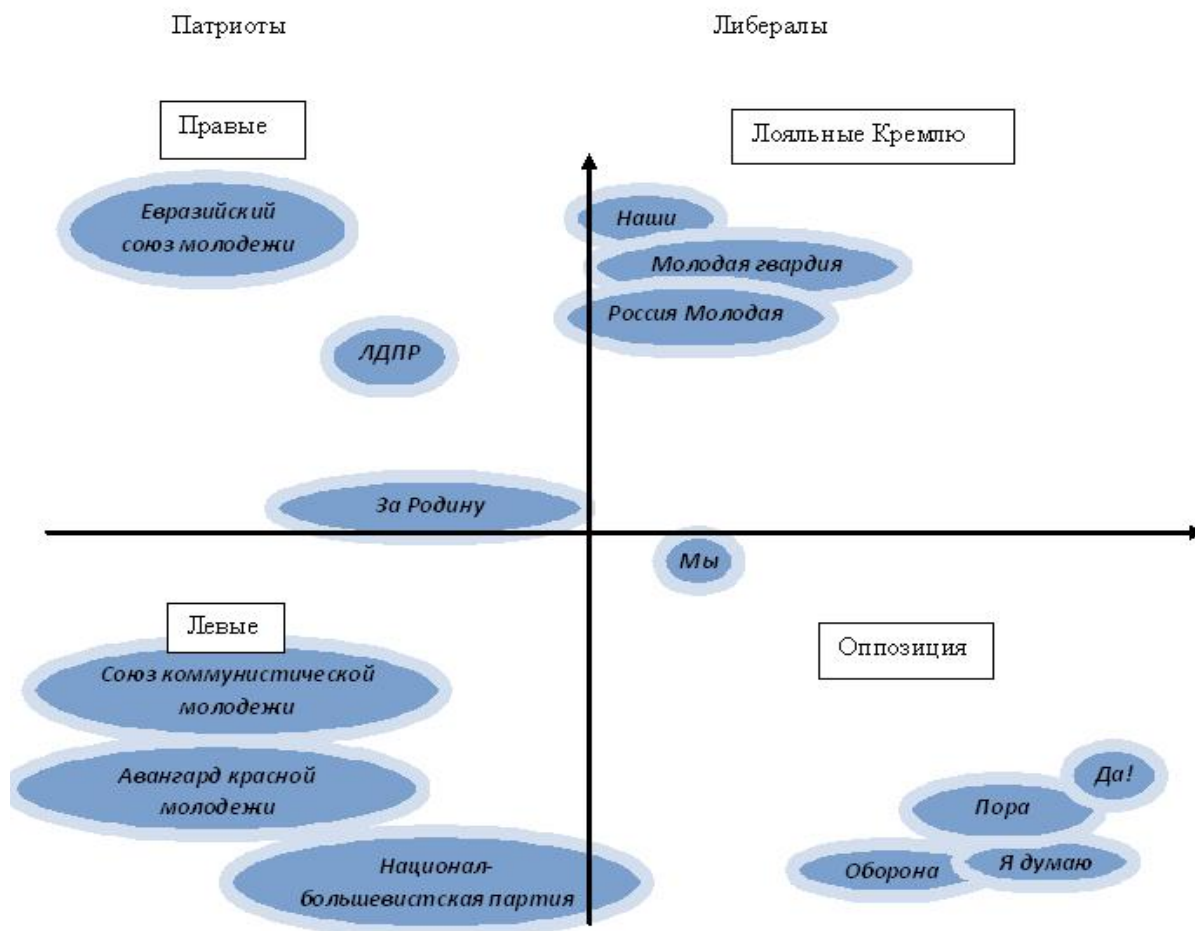

Рисунок: Политические координаты молодежных движений в России в 2005 г.³⁷

Помимо «Наших» в эту категорию также включаются такие молодежные движения как «Молодая гвардия», «Россия молодая» и московская группа «Местные» (последняя группа отнесена автором данной статьи к категории, выделенной Становой), которые действуют в соответствии с политикой Кремля. В эту категорию также отнесены те организации, которые в той или иной степени соответствуют в своей деятельности целям Кремля, но чья идеология является отчетливо националистической или левой. Сюда относятся такие движения как «Евразийский союз молодежи», возглавляемый Александром Дугиным, теоретиком националистической геополитики, а также молодежная организация Либеральной демократической партии России, широко известной благодаря ее лидеру популистско-националистического толка Владимиру Жириновскому. Становая считает, что эту категорию можно разделить на «патриотов» (открыто националистиче-

³⁷ Становая. Молодежные организации.

ские организации) и «либералов» (прокремлевские движения). Категория, противоположная этой, включает в себя такие движения как «За Родину», которая отчасти лояльна Кремлю, Российский коммунистический союз молодежи, Авангард Красной Молодежи и Национал-большевистская партия. Последняя была одним из наиболее известных российских молодежных движений в середине 2000-х гг.³⁸ В 2005 г. либеральные оппозиционные группы, такие как «Мы», «Демократическая альтернатива», «Да!», «Пора» и «Я думаю», работали практически без каких-либо конкретных акций. Движение «Оборона», напротив, активно действовало как основная молодежная организация политической партии «Яблоко» и именно его можно назвать одним из основных политических оппонентов «Наших» на ранней стадии. Подводя итог, Становая утверждает, что российские молодежные движения середины 2000-х гг. можно определить двумя факторами: отношение движения к текущей политической силе (Кремлю) и политическая позиция движения на шкале «правый-левый», как показано на рисунке³⁹.

Далее Становая говорит о том, что, в свете ситуации 2005 г., которая во многом сохраняется до сих пор, наиболее влиятельным и заметным молодежным движением были «Наши». Согласно Становой, Кремль создал движение «Наши» в первую очередь с целью сформировать новую версию существовавшего ранее «официального» молодежного движения «Идущие вместе» после того, как последнее оказалось вовлечено в ряд чрезмерно радикальных акций, сделавших его непопулярным.

Еще одной политической причиной создания движения «Наши» была крайняя аполитичность современной российской молодежи, которая, с точки зрения Кремля, имела два аспекта – продолжавшийся процесс деполитизации молодежи и ее потенциальные последствия. Становая полагает, что для Кремля деполитизация молодежи означала нежелательную политизацию – политическую деятельность, несоответствующую его интересам (в частности, Кремль был озабочен предотвращением «оранжевых движений» среди молодежи)⁴⁰. В этом смысле «Наши» должны были выступать определенной мотивационной системой в рамках официальной молодежной политики, – системой, находящейся в симбиозе с политическими интересами, поддерживавшими сохранение действовавшей политической власти. Таким образом, все те организации (в частности, коммунисты, западные либералы, крайне правые), которые не вписывались в эти рамки, рассматривались как «аполитичные». Наиболее сложной задачей для «Наших» стало вовлечение в свои ряды студентов, которые крайне скептически относились к подобным предлагаемым «на готово» системам мотиваций. Лишь очень немногие члены университетского сообщества идентифицируют себя с подобными проек-

³⁸ Соколов, М. Национал-большевистская партия: идеологическая эволюция и политический стиль // Русский национализм: Идеология и настроение / Под ред. А. Верховского. М., 2006. С. 139-164.

³⁹ Становая. Молодежные организации.

⁴⁰ См. Умланд. Оранжевая революция.

тами, и большинство из них полагает, что такие движения как «Наши» представляют собой исключительно инструмент политической манипуляции. Подобный скептицизм привел, в свою очередь, к созданию различных молодежных движений в отдельных российских учреждениях высшего образования⁴¹.

Хотя Становая сжато контекстуализирует позицию «Наших» в отношении других молодежных движений, ее определение слишком легко приводит к рассмотрению «Наших» как «марионетку» или представителя «виртуальной демократии», т.е. движения, которое создает лишь видимость настоящих демократических практик⁴². Это определение нельзя назвать неправильным, но если мы рассматриваем собственный голос «Наших» и их политический дискурс, нацеленный на эффективное слияние дидактического и стимулирующего запросов, этот подход представляется не очень продуктивным. Становая рассматривает движение «Наши» как в той или иной степени подчиненное целям Кремля. В этом отношении она повторяет то общее изображение данного движения, которое Майя Этвел⁴³ называет дискурсом «ползущего авторитаризма». Деятельность движения «Наши» представляется как попытка российского государства препятствовать развитию независимых политических молодежных движений. Несмотря на то, что этот подход может быть актуальным во многих случаях, основная его проблема заключается в том, что он предполагает пассивность активистов движения и возможность государства полностью определять его развитие. Хотя Становая правильно показывает те проблемы, с которыми неизбежно столкнулись и продолжают сталкиваться «Наши», – в частности, скептическое отношение со стороны российской молодежи, – она рассматривает движение как кремлевский проект, что подчеркивает пассивность движения по отношению к «приказам» Кремля.

Вслед за попыткой Этвел оценить взгляды активистов «Наших», важные идеи относительно роли «Наших» в контексте путинской России высказывает Дмитрий Андреев⁴⁴. Согласно ему, «Наши», а также «Идущие вместе», могут быть описаны как чистая модель «управляемой пассионарности» в контексте управляемой или «суверенной демократии»⁴⁵, продвигаемой режимом Путина. Ис-

⁴¹ Становая. Молодежные организации.

⁴² См. Wilson, A. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Haven, 2005; Robertson. *Managing Society*.

⁴³ Atwal. *Evaluating Nashi's Sustainability*. С. 744.

⁴⁴ Андреев. Феномен молодежной «управляемой пассионарности».

⁴⁵ Автором данного концепта является предположительно Владислав Сурков, один из главных идеологов Кремля, а также «идеологический» создатель «Наших». Вкратце, «суверенная демократия» представляется крайне избирательным сочетанием различных идеологических черт, выбирающим лучшее из западных идей, а затем соединяющим их с наиболее ценными российскими традициями и практиками. В этом отношении «суверенная» отсылает к абсолютной автономии России при определении ее собственного демократического пути. Более подробно о суверенной демократии с точки зрения ее идеологов и представителей см. Про суверенную демократию / Под ред. Л. Полякова. М., 2007.

пользуя термин «пассионарность», Андреев⁴⁶ отсылает к эмоциям людей, чьим стремлением является преданное служение целям, поставленным ими. Более того, для таких «пассионарных» людей главной целью является организация, или реорганизация, повседневной жизни вокруг них с помощью сконструированного врага и негативных примеров. Он утверждает, что хотя «Наши» и являются прокремлевским движением и, очевидно, в той или иной степени Кремлем поддерживаются, политические принципы Кремля «запрещают» любой вид эмоционального приверженности⁴⁷. Согласно Андрееву, в то время как Кремль стремится к неограниченной свободе в области идеологии, для нынешней политической власти пассионарность как политическая стилистика «Наших» не только нежелательна, но и опасна, если она будет распространять свои идеи в соответствии с собственной административной вертикалью. Аргументация Андреева⁴⁸ допускает возникновение таких сценариев, где «Наши» начинают действовать по своей инициативе; управляемая пассионарность Кремля становится чистой пассионарностью «Наших». Точка зрения Андреева является плодотворной для понимания тех трудностей, которые возникают у «Наших» при балансировании между дидактическими и стимуляционными потребностями и слиянии этих потребностей в полезное сообщение. Тем не менее, в дополнение к изучению сложностей, с которыми сталкиваются «Наши» в отношении дидактических потребностей, также важно пролить свет на основную цель, стоящую за стимуляционной деятельностью «Наших»: потенциальный интерес или отсутствие интереса со стороны молодежи к движению.

Обзор: Участие российской молодежи в политике

В марте 2005 г., сразу после формирования движения «Наши», 4% опрошенных россиян указали, что они знакомы с этим движением⁴⁹. Интересно, что несмотря на такую низкую цифру, «Наши» были наиболее широко известным молодежным движением. Подавляющее большинство, 66% респондентов (56% в возрасте 18-26 лет), признались, что они не знают ни одного молодежного движения. Подобное отсутствие отклика по отношению к молодежным движениям доминировало в обществе также спустя два года, в том числе после того, как «Нашим» стало уделяться значительное внимание в российских СМИ. Опрос, проведенный исследовательским центром Фонд общественного мнения (ФОМ)⁵⁰, который изу-

⁴⁶ Андреев. Феномен молодежной «управляемой пассионарности». С. 50-52.

⁴⁷ Там же. С. 58.

⁴⁸ Там же. С. 59-61.

⁴⁹ «Наши» в городе: россияне о молодежных организациях // ВЦИОМ. 2005. 30 марта. http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskiiarkhiv/item/single/1156.html?no_cache=1.

⁵⁰ Молодежь в политике // ФОМ. 2008. <http://bd.fom.ru/report/map/dominant/dom0820/d082024/printable/>.

чал взгляды россиян на молодежь в отношении политики и политической деятельности, содержал вопрос: «Какие молодежные движения вы знаете или слышали о них?». Наиболее широко известным оказались «Наши», но если мы посмотрим на проценты, то известность движения оказывается не очень убедительной. Только 13% россиян ответили, что они «знают движение или слышали о нем»⁵¹. 75% россиян сказали, что они «затрудняются ответить» или что они «не знают ни одной молодежной организации». Эти результаты особенно интересны, учитывая тот факт, что «Наши» были очень заметны в российских СМИ к концу 2007 г. Согласно российской базе печатных СМИ Интегрум, 2007 год был наиболее активным в плане репрезентации «Наших» в СМИ⁵².

Данная информация представляет собой убедительное основание для утверждений о том, что относительно низкая известность «Наших» среди населения (включая молодежь) основывается на общественной невосприимчивости, а не на недостатке информации. Другими словами, люди слышали о движении «Наши», но не обратили на него внимания. Невосприимчивость по отношению к «Нашим», а также к молодежным движениям в целом, находит наилучшее объяснение в статистической информации относительно участия молодежи в политической жизни. Опрос ФОМ⁵³ 2005 г., проведенный среди всех возрастных групп населения, показал, что отсутствие интереса к политике преобладало во всех возрастных группах, но среди молодежи (18-35) отсутствие этого интереса было наиболее высоким, 65-67%. Кроме того, 96% респондентов из самой молодой группы (18-25) заявили, что они «не участвовали в деятельности никакой политической организации» (среди всего населения эта цифра составила 80%)⁵⁴. (В 2008 г. 75% населения считало, что «крайне незначительное количество молодых людей интересуется политикой»)⁵⁵. Среди возрастной группы 18-35 лет эта цифра составила 76%, но было больше респондентов, которые считали, что «есть много политически активных молодых людей», 14% (в то время как среди всего населения эта цифра была 11%), и меньше тех, кто считал, что «вообще нет по-

⁵¹ Молодежь в политике // ФОМ. 2008; согласно опросу, проведенному Левада-Центром в ноябре 2007 г., эта цифра была значительно выше (26%) среди тех, кто сказал, что знаком с политическими молодежными движениями. «Наши» были наиболее хорошо известным движением. Интересно, что «Идущие вместе» были пятыми (8 %) в этом опросе, опередив многие более активные молодежные движения. Тем не менее, 66 % респондентов ответили, что они не слышали ни об одном молодежном движении (Патриотизм и движение «Наши» // Левада-Центр. 2008. 21 января. <http://www.levada.ru/press/2008012101.html>). В последнем опросе, касавшемся движения «Наши», значительных изменений не наблюдается («Наши» - самое известное политическое движение в России. Левада-Центр. 2011. <http://www.levada.ru/press/2011021002.html>).

⁵² Лескинен, В. Репрезентация молодежного движения «Наши» в текстах «Российской газеты» в 2005-2008 гг. Магистерская диссертация. Университет Ювяскюля, 2009.

⁵³ Политический потенциал и политическая активность молодежи // ФОМ. 2005. <http://bd.fom.ru/report/map/dd052222>.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Молодежь в политике // ФОМ. 2008.

литически активной молодежи», 13% (в то время как среди всего населения эта цифра была 22%).

Помимо того, что эти данные демонстрируют аполитичность российской молодежи, они также поддерживают точку зрения, подчеркивающую различия в понимании концепта «политический» населением (в первую очередь, молодежью) и политической элитой⁵⁶. Когда в 2008 г.⁵⁷ в опросе был задан вопрос «Считаете ли вы необходимым, чтобы молодые люди не старше 25 лет участвовали в политике и политической жизни страны?», 69% россиян сочли, что это необходимо, и 65% также ответили, что «участие в политике и политической жизни помогает молодым людям достичь высокого положения в обществе». Таким образом, оказывается, что отношение к политике напрямую зависит от того, воспринимают ли ее как таковую или как политику «в практике», т.е. существующие политические структуры и организации. Таким образом, крайне неотзывчивое и аполитичное отношение проявляется в минимальном участии в политических организациях (96% не участвовали в деятельности ни одной организации), но в то же время существует относительно положительное отношение к участию в политической жизни с точки зрения достижения высокого положения в обществе (65%). Аполитичная молодежь – это не табу, напротив, это открыто выражается в государственной молодежной политике⁵⁸. Эти данные создают фон дидактического и стимулирующего измерений политического дискурса «Наших». С одной стороны, молодежь необходимо политизировать (стимулировать) в рамках официальной политики, и здесь «Наши» вместе с другими проправительственными молодежными организациями безусловно играют центральную роль. С другой стороны, тем не менее, минимальный интерес к этим молодежным организациям ставит под вопрос эффективную стимуляцию. Чтобы перейти от этого общего контекста, определяемого статистическими данными, к микро-уровню собственного голоса «Наших», рассмотрим далее мнения двух лидеров движения «Наши».

Мнения двух лидеров «Наших»

В марте 2009 один из лидеров движения «Наши», здесь мы его будем называть Олегом, объяснил свои мотивы присоединения к группе: «(Юсси): Почему вы решили присоединиться к движению? (Олег): Сложный на самом деле вопрос и простой одновременно [смеется]... Сложно потому, что я сам до конца не понимаю, почему я вступил... Сложность в том, что на тот момент у меня уже был

⁵⁶ Более подробно см. Омельченко, Е. Молодежь для политиков vs. молодежь для себя? Размышления о ценностях и фобиях российской молодежи // Молодежь и политика. М., 2006.

⁵⁷ Молодежь в политике // ФОМ. 2008.

⁵⁸ См.: Стратегия государственной молодежной политики; более подробно о российской молодежной политике и политике национальной идентичности см. Blum, D. Russian Youth Policy: Shaping the Nation's State Future // SAIS Review. 2006. Vol. 26. № 2. С. 95-108.

опыт общественной молодежной деятельности, и он во мне вызывал резко отрицательные эмоции... почему-то... мне надоело, это не было интересно... (Юсси): Почему? (Олег): Почему... Как-то, понимаете, у любой молодежной организации есть какая-то взрослая организация ... У Комсомола было, и остается, РСМ КПРФ, но в меньшей степени, чем у Комсомола КПСС... У Молодой Гвардии "Единой России", и это всегда очень... достаточно сложное отношение. (...) есть руководство молодежное федеральное, есть взрослые со своими задачами, но в этом регионе. И это как бы дилемма такая есть в управлении... да, матричная структура не сбалансированная, она не эффективна (...), и самые главные работники (...) неприятны. Но в сумме мне надоело. В движение "Наши" я вступил потому, что я один из создателей движения, сначала в одном регионе, потом во втором, то мы вместе сидели (...) и начали что-то делать, несмотря на этот отрицательный опыт. Сложно сказать... Наверно потому, что взрослых как раз не было.»

Колебания Олега в объяснении мотивов присоединения к движению раскрывают интересную комбинацию дидактического «взрослого» дискурса и автономного «молодежного» дискурса. Дидактический дискурс выступает имплицитно как его основной негативный опыт в первом абзаце. Это негативное отношение эксплицируется в конце второго абзаца, как наиболее вероятная причина вступления в движение «Наши». Таким образом, Олег идентифицирует себя как «не взрослого», а, очевидно, как представителя молодежи, представляющего практики, отличные от тех, которые стали причиной его крайне негативного опыта. Тем не менее, любопытно, что подробное описание его негативного опыта, и, как следствие, причин его вступления в движение «Наши», осуществляется довольно бюрократическим языком, являющимся маркером дискурса, который можно определить как «взрослый» в противопоставление «молодежному»: «есть федеральное молодежное руководство», «дилемма в управлении», «матричная структура не сбалансированная, не эффективна». Подобный выбор лексики показывает, что Олег рассматривает молодежную политическую деятельность в основном в терминах эффективности или неэффективности результатов, при этом остается открытым вопрос о том, к чему эта эффективность относится. Так как он является лидером прокремлевского молодежного движения, можно предположить, что этот бюрократический словарь раскрывает понимание Олегом роли «Наших» в отношении официальной политики. Как отличные от этих «негативных и неэффективных/несбалансированных» взрослых практик, Олег упоминает те, которые представляются ему в большей или меньшей степени политическими оппонентами, или, по крайней мере, конкурентами «Наших» (ЛДПР, КПРФ, Родина)⁵⁹. Любопытно, что он включает в эту группу также «Молодую гвардию», молодежное отделение «партии Путина» «Единая Россия». Таким образом, согласно Олегу, «Наши» представляют собой нечто отличное от всех перечисленных

⁵⁹ Все эти партии представлены в Государственной Думе и имеют молодежные отделения.

выше групп, оставляя большой простор для деятельности молодежи на всероссийском уровне без «систематизации» и «вмешательства» взрослых. Тем самым подразумевается, что «Наши» представляют собой – и дают возможность реализовывать своим членам – тот прогрессивизм, который часто связывается с молодежью. И действительно, это подтверждается ответом Олега на мой дополнительный вопрос о том, действительно ли «Наши» являются чисто молодежным движением: «Да, да, чисто молодежное, ничего этого у ЛДПР, КПРФ, Родины теперь нет... а с другой стороны (...) это просто. Почему просто? Потому что в движении я увидел возможность что-то реально сделать. И это меня привлекло. Причем эта возможность была связана не только с тем, чтобы сделать что-то в своем регионе, но это была возможность сделать что-то в масштабе страны, быть участником какого-то мегапроекта, и самое главное, я четко понял, что я в этом проекте смогу еще развиваться (...) я увидел образовательную программу... И она меня очень привлекла, она была и остается интересной.»

Таким образом, «Наши» представляются Олегу движением, в котором он может сделать что-то настоящее. Это «настоящее» позволяет реализовывать свои идеи не только на региональном уровне, но и в масштабе всей страны, используя понятие «мегапроект», упомянутый в первых строчках манифеста движения⁶⁰. Для него «Наши» представляются движением, в котором он может стать частью «больших дел» и лично развиваться, и эти возможности противопоставляются взрослым практикам.

Это отдельно взятое мнение одного из лидеров движения не позволяет делать широкие выводы об отношении движения в целом к официальной политике, но точка зрения Олега иллюстрирует стремление движения стать чем-то уникальным, несмотря на его официальный политический конформизм. Похожие взгляды, опирающиеся на уникальность движения и индивидуальные возможности, так же как и взгляды, совместимые с официальной политикой, можно проследить в ответе «Вадима» о его мотивах вступления в движение. Вадим (здесь также указан под псевдонимом) – один из первых лидеров движения, интервью с которым я провел в мае 2008 г. Отвечая на мой вопрос о причинах вступления в движение, он уточнил: «Во-первых, я не присоединился к движению "Наши". Там было несколько человек, люди, которые создавали движение "Наши"... И в этот процесс я включился. И когда я узнал, что есть группа людей в том числе в Москве, с которыми мои собственные идеи совпадают практически на сто процентов (...) я включился в этот процесс.»

Рассматривая создание движения как процесс, совместимый с его собственными идеями и интересами – процесс, который Вадим нашел сам – он конструирует себя как лидера, непохожего на тех, кто присоединился к движению позднее и продолжает присоединяться сегодня. Или, как он формулирует это в другом месте интервью, «я присоединился к движению, потому что у меня была возмож-

⁶⁰ Манифест // Nashi. <http://nashi.su/manifest>.

ность участвовать в его создании». Помимо этого, его частные интересы оказываются совместимыми с официальным дискурсом, так как Вадим упоминает, что среди целей «Наших» идея «сохранения суверенитета страны» в контексте «оранжевых событий» кажется ему особенно важной. Хотя Вадим не противопоставляет свои интересы и интересы «Наших» «взрослым практикам» так явно, как это делает Олег, его оценка уникальности «Наших» очевидно противопоставлена другим прокремлевским инициативам: «Была там молодежная организация "Идущие вместе", пропутинская... Я к ней испытывал, откровенно скажем, очень негативное отношение. (...) она меня не привлекала. В партию Единой России я тоже вступать не собирался... Не было интересно.»

Хотя Вадим не уточняет, почему он негативно относится к «Идущим вместе», можно предположить, что идеи, которые продвигало это движение, были несовместимы с его собственными идеями. Более того, упоминая «партию взрослых» («Единую Россию») в этом контексте, Вадим дает понять, что «Наши» отличаются от нее. Это отличие относится, вероятнее всего, к организационным и практическим аспектам, а не к идеологическим, так как «Единая Россия» является ключевым действующим лицом в пропаганде идей сохранения российского суверенитета, которые Вадим считает наиболее важными и для «Наших».

Взгляды Олега и Вадима иллюстрируют стремление «Наших» выступать в качестве относительно независимого проводника официальных политических взглядов. Если говорить о распространении этих взглядов движением, возникает вопрос о приверженности «Наших» официальным политическим принципам. «Наши» представляются движением, которое оставляет пространство для личных взглядов в отношении официальной политики, и наличие этого пространства противопоставляется «взрослым практикам». Согласно взглядам Андреева⁶¹ на «Наших» как пассионарное движение, выбор рядовых членов движения может противоречить официальным политическим взглядам. Если мы соотнесем эти взгляды с теоретической рамкой, обрисованной в этой статье, можно предположить, что дидактическая программа «Наших» (широкое культурное производство) в ситуации преобладающей аполитичности молодежи подталкивает или даже заставляет использовать такую стимуляцию (ограниченное культурное производство), которая несовместима с государственнической позицией «Наших». В этом смысле, эпизод с «Бронзовым солдатом» представляет собой яркий пример попытки «Наших» создать эффективный ритуал, чтобы решить эту проблему.

Бронзовый солдат

Перенос советского памятника «Бронзового солдата» из центрального района Таллина Тынисмяги на военное кладбище Таллина эстонскими властями в конце

⁶¹ Андреев. Феномен молодежной «управляемой пассионарности».

апреля 2007 г. представляло собой, с точки зрения «Наших», замечательную платформу для демонстрации важности и эмоциональной значимости этого события⁶². В отношении выражения определенных эмоций в политических целях, Мэйбл Березин отмечает, что «систематизация, управление, мобилизация эмоций превращают их в одобряемое культурой поведение, располагают их во времени и пространстве и, в зависимости от контекста, добавляют эмоции политическое измерение»⁶³.

Бронзовый солдат «Наших» идеально совпадает с описанием Березина. Негодование, которое выразила официальная Россия в отношении переноса памятника, представило «Нашим» шанс объединить беспокойство в связи с «фашизмом» внутри России с важным исторически и национально фашизмом внешним. Речь идет о сочетании беспокойства относительно растущего числа преступлений на национальной почве⁶⁴, растущей озабоченности вопросами национального достоинства⁶⁵ и негодования в связи с насилием по отношению к символу наиболее чувствительного и важного основания российской национальной идентичности, Великой отечественной войны. Иными словами, легитимность борьбы с современным фашизмом как общественной проблемой основывается на главном национальном историческом достижении, а именно на «Великой победе» над фашизмом в 1945 г. Для того, чтобы соединить ее значение с современностью на основе общей угрозы, заявляется, что современные «фашисты» – все те, кто ставят победу под вопрос – стремятся принизить ее значение, в данном случае «эстонские фашисты». Несмотря на кажущуюся слабой связь между этими двумя компонентами – национальной патриотической политикой прибалтийских государств и агрессией по отношению к тем, кто не выглядит как русский в России – «Наши», очевидно, верили, что подобная стратегия позволит проявить себя в си-

⁶² «Бронзовый солдат» – неофициальное название неоднозначно воспринимаемого советского памятника жертвам второй мировой войны в Таллине. Изначально памятник назывался «Памятник освободителям Таллина», он был открыт 22 сентября 1947 г., три года спустя после того, как Красная Армия вошла в Таллин 22 сентября 1944 г. во время Второй мировой войны. Его изначальное местоположение, маленький парк на Тынисмяги в центре Таллина (в советское время это место называлось площадь Освободителей), представляло собой братскую могилу, в которой в апреле 1945 г. были перезахоронены 13 солдат Красной Армии.

⁶³ Berezin, M. *Secure States: Toward a Political Sociology of Emotions* // *Emotions and Sociology* / Ed. J. Barbalet. L., 2002. С. 3-52, здесь с. 35. Более подробно об эмоциях и ритуале в контексте фашистской Италии см. Она же. *Emotions and Political Identity: Mobilizing Affection for the Polity* // *Passionate Politics: Emotions and Social Movements* / Ed. J. Goodwin et. al. Chicago/L., 2001. С. 83-98.

⁶⁴ Кожевникова, Г. *Радикальный национализм и противодействие ему* // *Русский национализм: идеология и настроение*. С. 87.

⁶⁵ Дубин, Б. *Запад, граница, особый путь: символика «другого» в политической мифологии России* // *Неприкосновенный запас*. 2001. Вып. 3. № 17. <http://magazines.russ.ru/nz/2001/3/dub.html>; Он же. «Кровавая» война и «великая» победа // *Отечественные записки*. 2004. Вып. 5. № 20. http://magazines.russ.ru/oz/2004/5/2004_5_5.html; Гудков, Л. *Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам* // *Отечественные записки*. 2004. Вып. 3. № 4. http://magazines.russ.ru/oz/2002/3/2002_03_09.html; Гудков, Л., Дубин, Б. *Есть ли перспектива у русского национализма?* // *Русский национализм: идеология и настроение*.

туации национального гнева по отношению к эстонской политике. Ситуация вокруг «Бронзового солдата» вызвала наиболее активные действия движения. Архив на сайте движения «Наши» до появления новой версии сайта в ноябре 2009 г. содержал более 1300 статей, в которых упоминалась Эстония, в первую очередь, с негативной оценкой (все эти статьи доступны также и на новой версии сайта). Официальный ответ «Наших», «ультиматум» по поводу переноса памятника, начался следующим образом:

(а) Определение даты демонтажа здания Эстонского посольства в Москве

Федеральный комиссар Движения «Наши» Василий Якеменко объявил дату демонтажа здания эстонского посольства в Москве – 12 июня 2007 года. Как сказано в официальном заявлении Движения «Наши»: «Именно в рамках закона следует найти возможность переноса посольства фашиствующей Эстонии в другое, более подходящее место»⁶⁶.

Подобное заявление от общественного движения, выраженное подчеркнуто официальным языком, но являющееся глубоко абсурдным по содержанию, поднимает вопрос о его серьезности. «Официальное объявление» «Наших» продолжает позднесоветскую традицию стёба – особой формы иронии, отличающейся от сарказма, цинизма, насмешки или любого другого знакомого жанра абсурдного юмора⁶⁷. Алексей Юрчак указывает, что для стёба необходима определенная степень «сверхидентификации»⁶⁸ с объектом, личностью или идеей, которые становятся мишенью для стёба. Как следствие, часто невозможно сказать, является ли стёб формой искренней поддержки, тонкой насмешки или особого сочетания того и другого. В дополнение к сверхидентификации с определенным символом (или объектом), т.е. с точной и слегка гротескной репродукцией властной формы (например, лозунга, официальной речи или визуального образа), стёб подразуме-

⁶⁶ Определена дата демонтажа здания эстонского посольства в Москве // Nashi.su. 2007. 1 мая. <http://nashi.su/news/17098>; Официальное заявление движения «Наши» по поводу истечения срока ультиматума эстонскому правительству // Nashi.su. 2007. 1 мая. <http://nashi.su/news/17063>.

⁶⁷ Yurchak, A. *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton/Oxford, 2006. С. 249-250; Он же. *Necro-Utopia. The Politics of Indistinction and the Aesthetics of the Non-Soviet* // *Current Anthropology*. 2008. Vol. 49. № 2.

⁶⁸ Он же. *Everything Was Forever*. С. 249-250. Согласно Яну Паркеру, концепт «сверхидентификации» взят из сферы психоанализа, но он был создан культурными активистами Нойе Словенише Кунст как оружие в борьбе против сталинизма Тито и современного неоллиберализма. Принцип работы сверхидентификации заключается в том, что она привлекает внимание к тому, как явный смысл искусства, идеологии и мечтаний дополняется элементом непристойности, скрытой обратной стороной смысла, которая содержит обвинение в недозволенном удовольствии. Славой Жижек, в частности, использовал концепт сверхидентификации в своих работах. См. Parker, I. *Overidentification*. Lancaster University Management School. 2005. <http://www.lums.lancs.ac.uk/events/owt/6455/>.

вает «деконтекстуализацию» этого символа, что помещает данную форму в непредусмотренный и неожиданный контекст⁶⁹.

Заголовок данной газетной публикации, за которым следует объявление лидера «Наших» Василия Якеменко, очень напоминает стёб в силу своей «сверхидентификации» и доконтекстуализации объекта. За несколько дней до этого эстонские власти объявили – очевидно, в официальном бюрократическом стиле – что статуя будет демонтирована и вывезена со своего оригинального места⁷⁰. Далее «Наши» демонстрируют свое моральное негодование посредством сверхидентификации с объектом⁷¹. Однако действие, выраженное этим официальным языком, совершенно определенно деконтекстуализирует объект: «дат[а] демонтажа здания эстонского посольства в Москве – 12 июня 2007 года». В терминах политического ритуала, эта дата отчетливо иллюстрирует попытку «Наших» привязать несомненно патриотический и объединяющий, на первый взгляд, элемент к Дню независимости России, который отмечается 12 июня. Этот недавно введенный праздник все еще кажется относительным странным для многих россиян, и именно в данном ключе эта дата показывает желание «Наших» улучшить свою невысокую репутацию, используя его для определенных политических и символически практик.

Впрочем, в то время как использование стёба может быть эффективной стратегией для высмеивания определенного политического истеблишмента и его практик, в случае с лояльным режимом движением, поддерживающим официальную патриотическую политику, стёб представляется весьма спорной стратегией. Очевидно, что протест «Наших» направлен против интерпретации Второй мировой войны и ее последствий эстонскими властями (советский период как оккупация), которая привела к определенной исторической политической практике по отношению к памятнику. Однако реакция «Наших» позволяет предположить, что для движения участие в этой борьбе оказывается настолько важным, что коммуникативные формы, в которые облачен протест, рискуют исказить смысл их политического сообщения. В этом отношении вопрос заключается в том, действительно ли «Наши» верят, что им по силам разрушить и переместить здание посольства, или достаточно лишь того, чтобы в это поверил читатель.

Данное объявление было частью крупной анти-эстонской кампании «Наших». За недельной блокадой эстонского посольства в Москве в конце апреля – начале мая 2007 г. в течение того же года последовали сотни антиэстонских выступле-

⁶⁹ Yurchak. *Everything Was Forever*. С. 249-250.

⁷⁰ Эти термины явно иллюстрируют борьбу за значения и их интерпретацию между официальной российской и эстонской стороной во время и после этого эпизода. Эстонская сторона всячески подчеркивала глагол «переносить» (*viima*), в основном использовавшийся в страдательном залоге. Российская сторона, напротив, интерпретировала это как акт насилия, не только в символическом, но и в конкретном значении. Это связано с тем, что использование термина «демонтаж» представляется неотъемлемым этапом, предшествующим переносу. Другими словами, памятник сначала необходимо демонтировать, а только после этого его можно перенести.

⁷¹ Официальное заявление движения «Наши».

ний в различных частях России. Эти выступления демонстрируют очевидное желание «Наших» заявить о себе как об истинном защитнике национальных российских ценностей, особенно патриотизма и официальных нарративов «великой победы» России. Однако с точки зрения взаимодействия дидактики и стимуляции эта «антиэстонская интенсивность» ставит под угрозу баланс между коммуникативными потребностями «Наших». В то время как эмоциональный план этих выступлений оформляется с помощью элементов стёба (эксплицитная стимуляция), это подчас переходит границы того, что является уместным с дидактической точки зрения. Это балансирование в попытке выделиться из общей массы властных институтов проявляется в «ультиматуме» лидера «Наших» Василия Якеменко (выше приведен его первый параграф). После немного гротескной деконтекстуализации разрушения/переноса следует эмоционально окрашенная просьба от всех (жителей России) обсуждать и обращать внимание на эту проблему: «Каждый гражданин, на какой бы должности он ни находился, должен ответить на вопрос – все ли он сделал для того, чтобы историческая справедливость была восстановлена. Мы должны помнить – если это будет сделано, это будет безусловной победой над неонацизмом, над попранием памяти. Этот акт политической воли отдельных граждан, руководства страны в целом станет важнейшим шагом к дальнейшему политическому и нравственному возрождению России»⁷².

Хотя, с точки зрения Якеменко, «Наши» представляются переплавленным сообществом, основанным на национальной гордости за Россию, он недвусмысленно резервирует за «Нашими» роль авангарда в этой потенциальной переплавке, когда упоминает «отдельных граждан» («Наших») раньше, чем «руководство страны в целом», и подчеркивает жертвенную позицию движения по отношению к политическому режиму, что демонстрирует дальнейший текст сообщения: «Не прекращается сбор подписей в поддержку решения "Наших" о демонтаже посольства. Под ультиматумом уже поставили свою подпись более 100000 москвичей и гостей столицы. К акции присоединились тысячи россиян в десятках городов страны – в Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Пензе, Волгограде, Краснодаре и многих других. Сегодня около 16.00 комиссар Движения "Наши" Саликов Александр сорвал эстонский флаг со здания эстонского посольства. Это была единоличная инициатива Александра, проявление его гражданской позиции и демонстрация его отношения к действиям эстонских властей. Александра Саликова и еще двоих "Наших" Дмитрия Оленина и Алексея Смирнова задержали сотрудники ОМОНа и увезли в Пресненское ОВД. "Наши" пробыли в отделении милиции более трех часов, а затем были отпущены. С каждого из комиссаров взыскали штраф в 500 рублей за административное правонарушение. Около 3-х часов приехали более 200 активистов Движения "Наши" и "Россия Молодая". После освобождения "Наших" из-под ареста все они отправились пикетировать посольство снова. Бессрочный пикет эстонского посольства и консульства продолжает-

⁷² Определена дата демонтажа.

ся уже пятые сутки. Сейчас в Малом Кисловском переулке на пикете находятся более 250 активистов Движений "Наши", "Россия молодая", "Молодая гвардия" и "Местные"⁷³.

Гротескный, построенный в форме стёба заголовков ультиматума Якеменко усиливается с помощью описания настойчивого стремления «Наших» собирать подписи за ультиматум. Описание строится на общепринятой в среде «Наших» практике – что подтверждается многочисленными Интернет-публикациями на различные темы – обыгрывать свое название («наши») и соответствующее притяжательное местоимение русского языка: цели «Наших», таким образом, совпадают с «нашими» (российскими) целями. Во втором параграфе описание ареста активистов движения очевидным образом получает свою социальную и политическую значимость из практики и дискурса поля ограниченного культурного производства – то есть культуры практик, противостоящих официальному конформизму.

Гражданская позиция, которую представляют «Наши» в рамках широкомасштабного культурного производства (уважение по отношению к закону и порядку) входит в контраст с самоотречением активиста движения. Иными словами, искренняя гражданская позиция противопоставлена формальным законам. Стремление «Наших» подробно описать свою гражданскую позицию в этом инциденте отчетливо показывает, что «Наши» потенциально рискуют своим статусом проправительственного и конформистского движения. Однако в следующем отрывке движение хочет напомнить нам об этой законной и конформистской стороне своей деятельности:

(б) Неизвестные забрасывают камнями здание эстонского посольства

«Минувшей ночью неизвестные забросали камнями здание эстонского посольства. В результате было повреждено стекло одного из окон особняка, еще на двух окнах появились трещины. По словам участников, камни бросали несколько человек из соседнего дома. Увидев хулиганов, Наши комиссары вместе с активистами "России Молодой" и "Местных" бросились в погоню. Однако задержать провокаторов не удалось. Движение "Наши" официально заявляет, что наши активисты не имеют отношения к этому инциденту. Мы не раз заявляли, что будем действовать исключительно в рамках закона»⁷⁴.

Данное сообщение разительно отличается от практического смысла объяснений, почему нарушение закона во имя священных национальных ценностей (как,

⁷³ Определена дата демонтажа.

⁷⁴ Неизвестные забросали камнями здание эстонского посольства // Nashi.su. 2007. 3 мая. <http://nashi.su/news/17142>

например, в случае с эстонским флагом, порванным на территории эстонского посольства) является моральным долгом. Судя по всему, сообщение о стереотипическом хулиганском акте (забрасывание камнями) – неважно, кем – предлагает «Нашим» удобную возможность компенсировать их относительно несдержанное (и, предположительно, стимуляционное) националистическое отношение за счет указания на то, что во всем остальном они полностью разделяют официальную позицию общества. В данном эпизоде особо подчеркиваемый символизм «Наших», по-видимому, порождает результаты, которые ставят под угрозу их собственную позицию как движения, лояльного Кремлю и официальной политике.

В дополнение, «Наши» ставят под угрозу свою позицию серьезного движения, как показывает «ультиматум сноса/переноса здания эстонского посольства в соответствии с законом». Намерение выполнить этот ультиматум реализуется в различных акциях, принимающих форму стёба, например, установка стендов с плакатами, на которых местные жители могут писать или рисовать свои антиэстонские комментарии. Эти стенды охранялись «комиссарами» «Наших», одетыми в форму солдат Красной Армии времен Второй мировой войны⁷⁵. Наиболее явным примером полной пародии является акция, проведенная в Коврове, во время которой «Наши» проверяли, не заражены ли местные жители «ужасным вирусом, который называется эстонский фашизм», а затем радостно сообщали, что «большинство жителей Коврова не были заражены и им не требовалась антифашистская вакцинация»⁷⁶.

Первой серьезной проблемой, с которой столкнулись «Наши» в связи с поддержанием интереса к ситуации с «Бронзовым солдатом», стала необходимость завершить историю с эмоциональным ультиматумом снести/перенести здание посольства Эстонии с его текущего места. В конце истечения срока ультиматума, в День независимости России 12 июня 2007, «Наши» выступили со следующим сообщением:

(в) «Пусть стоит. Пока...»

«Больше месяца назад в Таллине был снесен памятник советскому солдату - освободителю. Часть эстонского общества – только часть – выступила с активными протестами, защитников памятника убивали и сажали в тюрьмы, однако фашиствующим эстонским властям удалось одержать победу. Памятник был уничтожен, а могилы павших, находящиеся под монументом, осквернены. В ходе протестов возле эстонского посольства мы выступили с предложением о демонтаже уродующего исторический облик столицы здания эстонского посольства и о переносе его в отдаленный район Москвы. Мы обратились к чиновникам самого разно-

⁷⁵ Владимир: Люди готовы к пикетированию. Nashi.su. 1 мая 2007. <http://nashi.su/news/17143>.

⁷⁶ Ковров: Спасительный «укол» от эстонского фашизма // Nashi.su. 2007. 28 мая. <http://nashi.su/news/18436>.

го уровня. Опросили тысячи людей. Однако далеко не все в обществе оказались готовы последовательно отстаивать память павших и сопротивляться пересмотру итогов Второй Мировой войны. И для того, чтобы избежать еще большего раскола в обществе, было решено не начинать демонтаж в те сроки, которые были намечены. В Эстонии фашиствующие власти решили снести памятник – и снесли. Но в Москве останется стоять фашистское посольство. Пока. Как символ неготовности очень многих людей согласиться с тем, что память погибших – священна. Как предостережение о том, что наша нерешительность и непоследовательность во многом, что касается нашей страны, великих страниц ее истории, порожденная девяностыми, будет и в будущем мешать нам защищать нашу Родину не только в грандиозном, но и в малом. И неизбежно станет гарантией будущих поражений не только нашей совести, но и нашей памяти. Пусть стоит. Пока»⁷⁷.

Несмотря на серьезные международные последствия этого эпизода, отразившиеся не только на отношениях между Россией и Эстонией, но и между Россией и Европейским Союзом⁷⁸, такой абсурд как снос или перенос здания посольства Эстонии не был бы осуществлен. Особенно в том виде, в каком ультиматум был сформулирован изначально, а именно, не снос или перенос посольства в метафорическом смысле, а конкретный снос/перенос здания посольства. Более того, хотя Европейский Союз в целом осудил официальную реакцию России, в разгар кризиса звучала критика в адрес «Наших» именно со стороны российских официальных лиц.

В материале, датированным 7 мая 2007 г., российский аналитический про-правительственный журнал «Эксперт» подверг открытой критике «несистематический», «жалкий» и «неэффективный» ответ России на эстонское пренебрежение «нашими священными ценностями» и попытки «сломать ялтинский мировой порядок, превратив Россию из освободителя в агрессора». Хулиганские действия «Наших» упоминались как конкретный пример проваленного ответа⁷⁹. Это неудивительно, так как независимо от того, каковы были цели ультиматума «Наших», тот факт, что посольство осталось стоять на своем месте (что, собственно, и следовало ожидать), означал символическое поражение «Наших»⁸⁰. Следова-

⁷⁷ Пусть стоит. Пока... // Nashi.su. 2007. 12 июня. <http://nashi.su/news/19015>.

⁷⁸ Haukkala, H. Poliittisen ja institutionaalisen solidaarisuuden rooli Viron ja Venäjän välisessä patsaskiistassa. Näkökulma: Pronssisoturin pitkä varjo – muistin politiikkaa ja kansallista uhoa // Kosmopolis: The Finnish Review of Peace and Conflict Research. 2007. Vol. 3. С. 78-86; idem. The Role of Political and Solidarity in the Statue-Debate between Estonia and Russia. A Viewpoint: The long shadow of the Bronze Soldier – Memory politics and National Bluster // Kosmopolis: The Finnish Review of Peace and Conflict Research. 2007. Vol. 3. С. 59-86.

⁷⁹ Новая Ялта // Эксперт. 2007. 7 мая.

⁸⁰ Интересно, что несмотря на «официальный голос Кремля», *Российская газета* (РГ) много писала о «Бронзовом солдате» с крайне патриотической точки зрения в разгар данной ситуации (119 статей, в которых упоминается слово «Эстония» в период с 15 апреля по 15 июня 2007), но движение «Наши» в этом контексте упоминалось только дважды. Один пример – в статье об ультиматуме «Наших» и «патриотической настойчивости» («Наши» факты на их аргументы, от 3 мая 2007), второй пример – статья о демонстрации «Наших» с требованием освободить их активиста Марка Сырыка (Наш Марк – Акция, от 5 мая 2007). После истечения срока ультимату-

тельно, это поражение было необходимо как-то компенсировать. Эта компенсация была осуществлена благодаря демонстрации самопожертвования «Наших» и упорства в организации сотен митингов. И хотя поставленная цель не была достигнута, «Наши» перенесли вину в провале с себя на других участников конфликта: заявив, что только часть эстонского общества активно выступала против сноса памятника, дальше они предъявили обвинения всему российскому обществу.

Таким образом, митинги против оскорбления общественной памяти были для «Наших» в первую очередь способом подчеркнуть свое намерение бросить вызов «конформизму» российского общества. В то же время реальное символическое поражение (провал ультиматума) компенсировалось посредством указания на то, что «Наши» не исполнили свой ультиматум, чтобы избежать дальнейшего раскола общества. В последнем абзаце «Наши» вновь указывают на испытанную несправедливость и «дисбаланс», повторяя гневный заголовок, но также напоминая о том, что «Наши» осознают потенциальное последующее попрание российских ценностей. Сейчас «Наши» открыто говорят со своей «независимо сконструированной дидактической позиции», которая, очевидно, позволяет предупредить общество о его пассивности, являющейся наследием 1990-х гг., в контексте наблюдаемого и потенциально грядущих оскорблений в адрес «нашей Родины».

Важный аспект в компенсации этого символического поражения, так же как и в последующих антиэстонских митингах и выступлениях, заключается в использовании невинных жертв. Согласно Рэндаллу Коллинзу⁸¹, эти жертвы должны быть не только невинными, но должны быть также символами преданности движению – по крайней мере, необходимо, чтобы их легко можно было представить в виде такого символического материала. Это явно присутствует в примере, приведенном выше, в котором «Наши» явно раздувают последствия для той части эстонцев, которые выступали за сохранение памятника, заявляя в страдательном залоге, что «защитников памятника убивали и сажали в тюрьмы». Последнее утверждение в определенной степени правдиво, несмотря на свой пропагандистский тон. Эстонские власти действительно арестовали сотни людей во время «Бронзовой ночи», но официально был подтвержден только один смертельный случай, а именно смерть русскоговорящего эстонского студента Дмитрия Ганина. Смерть Ганина широко освещалась в российских СМИ, но мучеником он стал именно с подачи «Наших». К сентябрю 2009 г. на сайте «Наших» было 150 упоминаний имени «Ганин». Во многих из этих сообщений, следуя ритуалоподобной стратегии, Дмитрий Ганин явно ставился в один ряд с жертвами Великой

ма о нем больше не упоминали. Таким образом, хотя упоминания «Наших» в РГ демонстрируют явную поддержку движения, такое незначительное количество упоминаний позволяет предположить, что «Наши» не имели особой роли в общем патриотическом ответе на эту ситуацию.

⁸¹ Collins, R. Social Movements and the Focus of Emotional Attention // *Passionate Politics: Emotions and Social Movements*. С. 27-44, 33.

отечественной войны. Примерном этого является следующее сообщение из Тулы, опубликованное в годовщину смерти Ганина:

(г) Тула: День памяти Дмитрия Ганина

«Комиссары Движения "Наши" собрались сегодня на площади Победы, чтобы возложить цветы к памятнику павшим воинам. Ровно год назад в Таллине, защищая честь России и память героев, участвовавших в Великой Отечественной Войне, погиб Дмитрий Ганин. Молодежь собралась на площади, чтобы принять участие в траурном митинге, посвященном годовщине его смерти. Мы не забыли о событиях в Эстонии. Мы продолжаем собирать подписи в "Бронзовую книгу" против "черных списков", мы не сдаемся, а, наоборот, с каждым днем всё более уверены в своей правоте. Историю переписать невозможно. И Бронзовый солдат, стоящий пусть и не на площади Тынисмяги, всегда будет напоминать о стране, победившей фашизм»⁸².

Смерть Ганина отчетливо иллюстрирует важность наличия невинных жертв для общественных движений, а также то, как эти жертвы становятся мучениками. Это происходит из-за того, что жертвы используются для олицетворения моральной силы движения. Они символизируют уверенность в том, что движение добьётся успеха⁸³. Для «Наших» уверенность в силе правоты нашла выражение в активных протестах в защиту Марка Сирька⁸⁴, одного из эстонско-русских активистов «Наших», арестованного и обвиненного за участие в беспорядках «Бронзовой ночи». Ганин еще в большей степени усиливает эту уверенность, так как для «Наших» он подтвердил правоту их дела своей смертью и, тем самым, выступил идеальным мучеником. В этом отношении важным аспектом мученичества Ганина является его связь с идеей «Наших» об эмоциональной преданности и ритуализированной «переплавке». С точки зрения «Наших», смерть Ганина можно естественно «сплавить» как со священной памятью павших в Великой Отечественной войне, так и с честью России и российской молодежи. Можно также заметить изменения в той настойчивости, с которой «Наши» поддерживали эту тему после провала своего ультиматума относительно переноса посольства и реорганизации «Наших». В 2008 г. «Наши» собирали подписи для специальной «Бронзовой книги», которая должна была стать своего рода ответом на черный список выезжающих в Шенгенскую зону активистов «Наших», созданный Эстонией⁸⁵.

⁸² Тула: День памяти Дмитрия Ганина // Nashi.su. 2008. 26 апреля. <http://nashi.su/news/24286>.

⁸³ Collins. Social Movements. С. 32-33.

⁸⁴ На новой версии сайта «Наших» можно найти 18 сообщений о Марке Сирьке

⁸⁵ Молодежь: субъект или объект, вот в чем вопрос // Nashi.su. 2008. 31 января. <http://www.nashi.su/news/23216>.

Заключение

К рассмотрению политического дискурса «Наших» можно подойти с точки зрения вызовов, возникающих перед конформистским общественным движением, которое направлено на сохранение режима, но в то же время пытается проводить «ритуализированную стратегию в духе оранжевой революции» в контексте пост-оранжевой России. Основной задачей «Наших», следовательно, является трансформация политической славы оппозиционной силы в политическую славу существующего политического конформизма, построенного вокруг официальной политики. В этом аспекте дискурс «Наших» может быть определен как попытка обособленного конформизма. В данной статье мы подошли к рассмотрению этого вопроса с помощью теории Бурдьё о полях культурного производства, которая предполагает, что риторика определенного стиля, используемого габитусом, зависит от позиции габитуса в определенном поле. В этом отношении значимой для «Наших» оказывается Национал-большевистская партия, которая являлась одним из основных оппонентов движения в первые годы деятельности «Наших» (см. классификацию Становой выше). Национал-большевистская партия (НБП) появилась как одно из наиболее скандальных, противоречивых, но при этом широко известных молодежных движений в пост-советской России.

Национал-большевики заработали свою репутацию – не в последнюю очередь благодаря креативности их лидера, писателя Эдуарда Лимонова – посредством различных театрализованных представлений и акций. Это стало возможным благодаря тому факту, что не существует никакого реально существующего идеологического катехизиса, который бы объяснял политические цели НБП⁸⁶. В отношении политического стиля это означает, что особая позиция НБП в поле оппозиции, то есть в поле ограниченного культурного производства, позволяет ей формировать практически любую возможную комбинация для получения символического капитала. В тех случаях, когда деятельность НБП оказывается на периферии по отношению к конформистскому центру, можно предположить, что накопление партией символического капитала может быть усилено ее нелегитимностью в поле крупномасштабного культурного производства. Как пишет Михаил Соколов, «политика НБП, по сути, является формой творческого самовыражения, в котором могут одновременно использоваться, например, образы нацистского офицера Эрнста Рёма или Че Гевары для сохранения старых и мобилизации новых сторонников»⁸⁷. Иными словами, весь политический стиль и образ НБП может рассматриваться как эмфатическое высмеивание ее врагов и гиперболизация целей посредством «сверхидентификации» с ними и их «деконтекстуализации». Хотя подобные стратегии в форме стёба подвергают риску репутацию движения в целом, позиция НБП гарантирует ее успех как движения. И хотя в

⁸⁶ Соколов. Национал-большевистская партия. С. 147.

⁸⁷ Там же

политической позиции «Наших» присутствует открытая связь с Кремлем – что является полной противоположностью НБП – можно предположить, что дидактическая позиция «Наших» является той «водой» для потенциального «огня» молодежной культуры, в которой находит отклик политическая эстетизация (стимуляция).

Бронзовый солдат является показательным случаем проблем, встающих перед политическим дискурсом «Наших». С учетом растущих патриотических и националистических настроений в общественном мнении России в течение последних десяти лет⁸⁸, а также существенной аполитичности молодежи, становится отчасти понятным, почему «Наши» тратят так много энергии на поддержание патриотизма. В российском населении отчетливо просматривается патриотический потенциал, особенно в среде молодежи, и этот потенциал необходимо использовать. Однако для «Наших» как проводника официальной политики основной проблемой является то, как использовать этот потенциал, не разрушив при этом убедительный публичный образ движения. В данной статье утверждается, что эту проблему можно концептуализировать как конфликт между дидактикой со стороны государства и стимуляцией молодежной культуры – два явления, которые «Наши» стараются свести в единое целое. Эту точку зрения подтверждают взгляды Олега и Вадима на «Наших» как на «настоящее молодёжное движение» – то есть молодёжное движение, деятельность которого не включает в себя практик взрослых, направленных на реализацию официальной политики.

Кажущаяся эффективной коммуникативная стратегия «Наших» по сплавке этих социальных сил, существующих независимо друг от друга, заключается в использовании стёба. В свете влияния стиля на публичный образ прокремлевских молодежных движений может показаться, что стиль необходимо рассматривать полностью независимо от отношения к политическому содержанию. Тем самым, стёб используется как исключительно экспрессивный инструмент, форма «политической технологии», на основании моделей, которые использовались в совершенно противоположных политических позициях («оранжевая революция» на Украине или карнавальный фашизм НБП в России). Рассматривая потенциальное воздействие, которое стратегии в форме стёба оказали на публичный образ прокремлевских групп и, в частности, на условия их воспроизводства, можно заметить недостаток саморефлексии в их политической коммуникации. Стёб, который использовали в кампании против ряда известных российских писателей «Идущие вместе», предшественник «Наших», во имя свободы выражения и «правильных моральных ценностей», привел к результатам, оказавшимся противоположными задуманным и желаемым. Среди них было отмежевание от них Кремля и выросшая популярность писателей, против которых и была организо-

⁸⁸ Дубин. Запад, граница, особый путь; Он же. «Кровавая» война и «великая» победа; Гудков. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам; Гудков, Дубин. Есть ли перспектива у русского национализма?

вана кампания⁸⁹. Как следствие, негодование «Наших» в отношении сноса/переноса Бронзового солдата было преобразовано в абсурдный ультиматум о сносе эстонского посольства, а также в создание новых эмблем российского патриотизма и национализма, прославление мучеников, связанных с этим событием, и позднее в предложения в адрес разных чиновников о переименовании улиц в честь этих мучеников⁹⁰. Очевидно, что деятельность «Наших» вокруг Бронзового солдата, принимая форму стёба, не могла не оказать существенного влияния на решение политической элиты реорганизовать «Наших» в начале 2008 г. Более того, эта деятельность стала одной из основных причин данной реорганизации, поскольку негативный образ «Наших» стал – по крайней мере, на международной арене – негативным образом России⁹¹. На практике эта реорганизация означала роспуск большинства региональных отделений «Наших»⁹². В 2010 г. скандальная группа «Сталь», являющаяся частью «Наших» и ставшая в некоторой степени ее преемником, оказалась замешанной в скандальной инсталляции «врагов России, посаженных на кол» на ежегодном прокремлевском молодежном летнем лагере «Селигер»⁹³.

Политический дискурс «Наших» может рассматриваться как потерпевшая неудачу ритуализированная стратегия в том плане, что ей не удалось создать убедительное молодежное движение на основе возникающего российского патриотизма. Этот опыт открывает более широкий вопрос о границах того, что уместно, а что – нет в российском обществе, не на уровне оппозиции официальной политики, а в отношении поддержания и распространения государственных идей.

Перевод с английского: Алексей Голубев

⁸⁹ «Идущие вместе» зашли слишком далеко...// Radiomaiak.ru. <http://old.radiomayak.ru/archive/text?stream=society&item=1361>; Писатели и Минкультуры критикуют акцию «Идущих вместе» по обмену «вредных» книг на «полезные» // Newsru.com. <http://www.newsru.com/russia/21Jan2002/knigi.html>.

⁹⁰ Увековечим память о герое // Nashi.su. <http://www.nashi.su/news/18719>.

⁹¹ «Наши» стали чужими // Коммерсант. 29 января 2008. <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=846635>.

⁹² «Наши» стали чужими; «Нашисты» уходят тихо // Фонтанка.ру. 2008. 28 января. <http://www.fontanka.ru/2008/01/28/053/print.html>.

⁹³ Речь идет об инсталляции движения «Сталь» «Враги народа»: аллея, обрамленная насаженными на палки портретами «антироссийских» политиков и официальных лиц. В результате этого западные кампании, выступавшие спонсорами лагеря в 2010 г., включая Daimler AG и Турреeware, заявили, что они перестанут спонсировать лагерь, если подобные эпизоды повторятся в будущем. Комиссия по развитию гражданского общества при президенте попросила Якеменко, возглавлявшего Федеральное агентство по делам молодежи с 2008 г., объяснить данный инцидент в контексте темы лагеря 2010 г.: «Молодежные проблемы вместо глобальной идеологической миссии, такой как борьба с Оранжевой революцией». Якеменко развил вопрос «молодежных проблем», указав на то, что «для многих молодых людей фальсификация итогов Великой отечественной войны является проблемой». См. Западные компании открестились от форума «Селигер» // Грани.ру. 2010. 14 сентября. <http://www.grani.ru/Politics/Russia/m.181675.html>; 29-я статья Конституции не нарушена // Nashi.su. <http://nashi.su/news/32520>.